

Американский режиссер Майкл Мур получил «Пальмовую ветвь» за вызов, брошенный президенту Бушу. У его коллег из России и Белоруссии — свой опыт кинодиалога с президентами

Время не остановилось

ФРАНЦИЯ

Ася КОЛОДИЖНЕР

В конце позапрошлого века Эмиль Золя написал: «Я обвиняю». В начале XXI века, а точнее — неделю назад, аналогичное обвинение прозвучало на Каннском фестивале. Кино, словно отряхнувшись от коммерческо-развлекательного угара, все-таки задумалось о контр-пропагандистской функции «важнейшего из искусств». Главная заслуга Майкла Мура в том, что своим полторачасовым политическим эссе «Фаренгейт 9/11» он напомнил всем, что в мире накоплены не только огромные арсеналы оружия, но и видеоархивы, способные рвануть почище снарядов. Мур продемонстрировал, что обладает поистине уникальной способностью — молниеносной и победоносной политизацией киноолимпиа. Телевидение в США, так же как, впрочем, и в иных странах, подконтрольно бизнесу и политикам. А Мур, как он доказывает не впервые, — нет. Энергия его кипучей деятельности достигла таких пределов, что накануне каннской премьеры президент самой свободной в мире страны Буш-младший посоветовал режиссеру поискать другую работу... В сущности, Мур в своем фильме сделал то, что на самом деле является долгом тележурналистов, но четвертая власть позволила себя сначала запугать, а потом купить. Так что «ветви» теперь дают прежде всего за журналистскую доблесть.

Майкл Мур добился своего —

Кажется, мы уже привыкли к тому, что, сколько ни гремят пушки, музы преспокойно молчат. Но в Канне политически озабоченные «музы» пытались подать голос не раз и не два.

посвященной юным годам Че Гевары. В невероятно политизированной программе нынешнего Канна были и другие фильмы с красноречивыми названиями — «Сальвадор Альенде» ку-

Буш выглядит смешным

шего против двуличия президентской династии, заигрывавшей с финансовыми магнатами из семьи бен Ладенов чуть ли не в роковой для Америки день 11 сентября, а потом пустившейся во

вания были самыми художественно весомыми? Нет. Это доказывает хотя бы присутствие в программе фильма «Наша музыка» неумолимого левака Жана-Люка Годара. На фестивале его фильм был показан, конечно, вне конкурса — кому охота соревноваться сейчас с ЖЛГ, как зовут его кинематографисты всего мира! «Наша музыка» великого мастера по первому впечатлению — тоже на злобу дня.

«Сараево выбрало нас, как Анна Каренина выбрала Толстого», — прокомментировал свой замысел сам Годар. На экране — блистательно смонтированный «ад» многих войн — начиная с войны Севера и Юга, запечатленной в американских блокбастерах, до ново-

стой балканской хроники недавнего прошлого. Главная героиня фильма — еврейка, которую волнуют проблемы палестинцев, и за их свободу она готова пожертвовать своей жизнью. Это фильм о неистребимом романтизме молодых, которых шестидесятник Годар всегда умел понимать и уважать как никто другой. «Я не очень смелый человек, поэтому снимаю кино», — заметил он со свойственной ему самоиронией.

Что же касается столь популярного сегодня «риэлти-шоу», то на пресс-конференции Годара оно состоялось. Как известно, лидеры актерских профсоюзов, недовольные системой оплаты их труда, пытались сорвать фестиваль. Иностранцам сложно было вникнуть в суть их лозунгов, начертанных на сотнях транспарантов, поэтому многие воспринимали шествия бунтовщиков как политический хеппинг, придававший фестивалю дополнительную пикантность. Годар отрезвил равнодушных, позвав демонстрантов на свою пресс-конференцию в Каннском дворце фестивалей и дав им возможность высказаться. Собственно, в этом он показал себя принципиальным и бесстрашным политиком. В кино же он остается прежде всего художником, умеющим двумя-тремя гениальными склейками выразить то, на что публицисты тратят тонны слов. Не будь этой революции под именем Годар, Каннский фестиваль вряд ли открыл бы свои двери для смелого документалиста Мура.

В новом фильме Эмира Кустурицы — серба, родившегося в Сараево, — тоже гремят взрывы: его герои безуспешно пытаются проложить горный тоннель между вечно воюющими странами, некогда составлявшими единое югославское государство. Кроме свиста пуль в нем тоже звучит «наша музыка», которой темпе-

раментный югославский режиссер пытается пересилить грохот бомбардировок. Кроме музыки, в бой за права свободного любовного выбора (он — серб, она — мусульманка), противопоставленного агрессивной нелепости военных схваток, вступает стихия романтического чувства.

Режиссер Хироказу Кореэда (фильм «Никто не знает»), приз за лучшую мужскую роль талантливейшему четырнадцатилетнему подростку Юйе Ягира) замедляет сюжет почти до полной остановки. Его юные герои (четверо детей, старшему из которых 14, а младшей — 4) остались сиротами при живой матери-проститутке, и им суждено самим выживать в захлащенной квартире с пустым холодильником. Трагическая история взята из жизни, и в финале мы видим похороны одной из юных героинь. Эта картина сделана без бойких кинематографических технологий, и она, может быть, лучший фильм конкурса 57-го Каннского фестиваля.

Не будь этой революции под именем Годар, Каннский фестиваль вряд ли бы открыл свои двери для смелого документалиста Мура

Это касается и биографической ленты именитого бразильца Вальтера Саллеса «Дневник мотоциклиста»,

бинца Патрисио Гусмана, «Убийство Ричарда Никсона» Нильса Мюллера... И все же голос Мура, восстав-

все тяжкие в Ираке, прозвучал громче всех.

Следует ли из этого, что его антивоенные высказы-

С.Ч.-5.
28 мая-03 июня 2004 года

488